

П.А. Заболотский

**Очерки русского влияния в
славянских литературах
нового времени. Русская
струя в литературе сербского
возрождения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.А. Заболотский**
Очерки русского влияния в славянских литературах нового времени. Русская струя в литературе сербского возрождения / П.А. Заболотский – М.: Книга по Требованию, 2019. – 437 с.

ISBN 978-5-517-99728-9

ISBN 978-5-517-99728-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

гораздо большей степени влияніе ея даетъ себя чувствовать въ литературахъ и жизни славянскихъ народовъ Запада и Юга Европы; близость славянскихъ языковъ между собою, племенные, а отчасти и религіозныя связи славянъ, сходство основныхъ чертъ славянскаго характера, наконецъ историко-культурныя отношенія создавали благоприятную почву для завоеваній русскаго языка ¹⁾ и русской литературы у славянъ; въ современныхъ литературахъ славянства наблюдается слѣдующее явленіе: произведенія русской литературы новаго времени становятся въ многочисленныхъ переводахъ достояніемъ славянскихъ литературъ и въ большинствѣ случаевъ пользуются выдающимся успѣхомъ; нѣкоторыя изъ новыхъ славянскихъ литературъ, какъ болгарская, являются развившимися подъ могучимъ идейнымъ воздѣйствіемъ русской литературы; другія, какъ на примѣръ польская, носятъ въ произведеніяхъ многихъ изъ современныхъ своихъ корифеевъ слѣды знакомства ихъ съ русскимъ языкомъ и русской литературой, извѣстными многимъ польскимъ писателямъ не только по школьнымъ изученіямъ, но и въ гораздо большей степени по самостоятельному ознакомленію съ произведеніями русскаго художественнаго слова.

Если у болгаръ и у поляковъ, обитателей Царства Польскаго, Литвы и Россіи, мы имѣемъ возможность наблюдать при болѣе или менѣе основательномъ знаніи ими русскаго языка непосредственное знакомство съ русской литературой, не замедляющее такъ или иначе отразиться и на ихъ національныхъ литературахъ, то у болѣе отдаленныхъ отъ Россіи въ силу культурно-историческихъ условій славянъ, какъ то у чеховъ, словаковъ, лужичанъ, сербовъ, хорватовъ и словенцевъ, приходится наблюдать вмѣстѣ съ усиленнымъ стремленіемъ къ изученію русскаго языка и съ постояннымъ ростомъ переводной съ русскаго языка литературы, усиленіе и русскаго литературнаго влиянія сравнительно съ прежнимъ

---

¹⁾ Подробнѣе по этому вопросу наша статья: „Русскій языкъ у несвободныхъ славянъ“ и „Русскій языкъ у свободныхъ славянъ“ (Славянск. Извѣстія, 1907).

временемъ, когда эти литературы были въ гораздо большей связи частью съ нѣмецкой, частью съ мадьярской и итальянской, а отчасти и французской литературой, чѣмъ съ русской; наконецъ, въ современной украинской литературѣ какъ малороссовъ Имперіи, такъ и зарубѣжныхъ, приходится наблюдать сплошь и рядомъ знакомство съ литературой общерусской, если этому не мѣшала шовинистическая тенденціозность, наблюдаемая у нѣкоторыхъ украинцевъ, какъ и у поляковъ, особенно австрійскихъ; въ украинской литературѣ, кромѣ того, приходится констатировать наличие тѣхъ типичныхъ чертъ, которыя сдѣлались достояніемъ русской литературы благодаря ея корифеямъ изъ малороссовъ, вносившимъ свою лепту въ сокровищницу общерусской литературы. Во всѣхъ почти современныхъ національныхъ славянскихъ литературахъ, при сравнительномъ съ новой русской литературой изученіи ихъ, приходится наблюдать, наряду съ чертами, общими той и другимъ благодаря ея вліянію на нихъ, и черты, явившіяся общими, какъ продуктъ специально славянскаго духа; не говоримъ уже о чертахъ общечеловѣческихъ, сближающихъ литературы славянства между собою и съ литературами остальнаго культурнаго міра.

Вопросъ о роли русскаго элемента въ романскихъ, германскихъ и славянскихъ литературахъ является до настоящаго времени неразработаннымъ; въ то время, какъ иностранныя вліянія на русскую жизнь и на русскую литературу разсмотрѣны въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій и монографій, русское вліяніе въ литературахъ культурнаго человѣчества еще не выяснено. Трудъ этого выясненія строго научнымъ путемъ долженъ быть признанъ громаднымъ и непосильнымъ для отдѣльныхъ изслѣдователей, но начало подведенія итоговъ накопившимся по указанному вопросу матеріаламъ хоть въ нѣкоторыхъ областяхъ не представляется намъ преждевременнымъ; опыты подведенія итоговъ матеріаламъ по вопросу о русскомъ вліяніи или же о русской струѣ въ иноземныхъ литературахъ является, на нашъ взглядъ, даже особенно своевременнымъ въ настоящую пору возрожденія Россіи къ новой жизни, такъ какъ для національнаго самосознанія и для дви-

жепія вперодѣ далеко не безразлично освѣщенію разныхъ сторонъ вопроса о нашемъ участіи въ міровомъ культурномъ прогрессѣ.

Опытъ такого сильнаго подведенія итоговъ матеріаламъ по вопросу о русской струѣ въ литературахъ новаго времени у родственныхъ намъ славянскихъ народовъ мы и предполагаемъ дать въ рядѣ очерковъ, которые, въ связи съ сикатой характеристикой литературнаго развитія того или иного изъ возникающихъ національно славянскихъ народовъ, обрисуютъ и роль русскаго элемента въ литературахъ и журналистикѣ южныхъ и западныхъ представителей славянскаго племени.

При работѣ указаннаго характера изслѣдователю приходится однако очень часто встрѣчаться съ крайней недостаточностью не только разработки, но даже и изданія матеріаловъ по интересующему вопросу; приходится вслѣдствіе этого силושъ и рядомъ не подводить итоги и пополнять пробѣлы, а прокладывать первый путь; разбросанныя въ различныхъ славянскихъ библиографіяхъ, литературныхъ монографіяхъ и біографіяхъ, въ обзорахъ литературъ и наконецъ въ журналахъ, газетахъ и профессорскихъ чтеніяхъ замѣтки и указанія о русской струѣ или о русскомъ вліяніи въ тотъ или иной періодъ извѣстной литературы, на творчество того или много писателя являются не только довольно трудно уловимыми, но и не всегда доступными изслѣдователю въ силу недостаточной еще постановки у многихъ изъ зарубежныхъ славянъ бібліотечнаго и книгопродавческаго дѣла, въ особенности же вслѣдствіе слабой еще въ общемъ разработки славянской бібліографіи¹⁾ и въ недоступности литографированныхъ курсовъ лекцій.

Крайне затрудняютъ работу по интересующему насъ вопросу и наличные у многихъ славянъ пробѣлы въ дѣлѣ научно-критическаго изданія произведеній своихъ писателей и въ дѣлѣ изданія ихъ перенски, біографій, мемуаровъ о нихъ и т. д. Въ особенности же сложной и трудной является работа, когда приходится имѣть дѣло съ славянскою журналистикой и вообще періодической печатью, дающей однако очень цѣнный и не из-

---

¹⁾ О современномъ состояніи сербской бібліографіи см. нашу замітку въ Рус. Ф. Вѣстн. 1905, IV, 412.

слѣдованный еще пока матеріаль для освѣщенія вопроса о русской струѣ въ новой славянской письменности; за немногими исключеніями, мы не находимъ ни обстоятельныхъ перечней и обзоровъ періодической прессы, ни монографій о ней, ни періодическихъ указателей къ ней, наконецъ часто не встрѣчаемъ полныхъ экземпляровъ всѣхъ изданій конца XVIII и XIX вѣковъ даже въ бібліотекахъ крупнѣйшихъ національныхъ центровъ славянства.

Другой вопросъ, каковы были и есть причины, извиняющія тѣ или иные изъ указанныхъ пробѣловъ у извѣстнаго славянскаго народа, но для привычнаго работать въ германскихъ или романскихъ научныхъ центрахъ или же въ Румянцевскомъ Музеѣ и Петербургской Императорской Публичной Библіотекѣ приходится испытывать не мало разочарованій и затрудненій при занятіяхъ въ національныхъ и университетскихъ бібліотекахъ большей части, хотя и не всѣхъ славянскихъ культурныхъ центровъ.

Рѣдкая же чисто славянская отзывчивость и готовность помочь въ собираніи и разработкѣ матеріаловъ, проявляемая обыкновенно славянскими учеными и бібліотекарями къ русскому собрату, значительно облегчаютъ работу по вопросамъ изъ области историко-литературной и историко-культурной у славянъ, устраняя кажущіяся на первый взглядъ непреодолимыми трудности.

Задавшись цѣлью прослѣдить, въ предѣлахъ оказавшихся доступными мнѣ матеріаловъ, русскую струю въ новыхъ славянскихъ литературахъ и журналистикѣ и своимъ опытомъ въ этомъ направленіи подготовить путь для будущаго всесторонняго изслѣдователя русскаго вліянія на ново-славянскую письменность, я припужденъ былъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ ставить себѣ болѣе или менѣе узкія рамки въ силу недостаточности подготовительныхъ работъ, какъ напр. по сербской, хорватской, чешской, словацкой, словенской и т. д. журналистикѣ или же вслѣдствіе недостаточности какъ общихъ обзоровъ славянскихъ литературъ XVIII—XIX вѣковъ, такъ и историко-литературныхъ научныхъ монографій по многимъ кардинальнымъ вопросамъ той или иной новой славянской литературы.

Признавая исторію литературы частью культурной исторіи народа и считая единственно правильнымъ научнымъ методомъ разсмотрѣніе литературныхъ явленій въ связи съ общими культурными условіями извѣстнаго народа, я сплоскъ и рядомъ въ силу невыясненности въ наукѣ историко-культурной обстановки извѣстнаго славянскаго народа въ тотъ или иной періодъ его жизни¹⁾ либо былъ принужденъ самъ работать надъ выясненіемъ ея, либо ограничивался тѣми лишь данными, которыя давали мнѣ литературные памятники и пресса разсматриваемаго народа, при чемъ приходилось, конечно, ясно сознавать всю неполноту почеркнутыхъ т. обр. лишь изъ литературы и прессы свѣдѣній объ извѣстной эпохѣ.

Держась затѣмъ взгляда на ненаучность дѣленія литературы извѣстнаго народа на строго разграниченные періоды и имѣя въ виду, что всякій новый факторъ въ жизни и литературѣ подготавливается въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, прежде чѣмъ дастъ себя осязательно чувствовать, и что всякій уходящій съ жизненной арены факторъ даетъ еще нѣкоторое время о себѣ знать, вступая въ взаимодействие съ новымъ, я въ интересахъ пракческаго удобства изложенія долженъ былъ ограничивать отдѣльныя части изслѣдованія определенными промежутками времени. Такъ, изслѣдуя вопросъ о роли русской струи въ славянскихъ литературахъ и журналистикѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ славянской жизни и исторіи вообще, я взялъ для I тома своего труда за исходную точку въ каждой изъ изслѣдуемыхъ литературъ эпоху національно-литературнаго Возрожденія южныхъ славянъ, при чемъ подготавливаемая, несомнѣнно, предшествующими эпохами эта пора Возрожденія приходится у однихъ юго-славянскихъ народовъ на XVII—XVIII вѣкъ, у другихъ на вторую половину XVIII и начало XIX вѣка, у третьихъ на первую, а у иныхъ и на вторую половину XIX вѣка.

---

¹⁾ Извѣстно, напр., что до сихъ поръ не имѣется еще строго научной исторіи юго-славянскихъ народовъ, и цѣлые періоды культурной жизни сербовъ, хорватовъ, словенцевъ и болгаръ являются невыясненными. По отношенію къ западнымъ славянамъ мы находимся въ данномъ случаѣ въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ.

Ограничивая въ силу грандіозности и невыполнимости для силъ одного изслѣдователя задачу изученія русскаго теченія во всѣхъ славянскихъ литературахъ и за все время отъ эпохи національнаго и литературнаго Возрожденія славянъ и до нашихъ дней, я останавливаюсь сначала на изслѣдованіи русской струи у отдѣльнаго лишь славянскаго народа и въ извѣстный лишь періодъ его жизни отъ эпохи Возрожденія и до вступленія въ его жизнь въ яркой и ощутительной формѣ какого-либо новаго фактора съ тѣмъ, чтобы, по выполненіи первой работы, переходитъ постепенно къ остальнымъ славянскимъ народамъ и въ остальные періоды ихъ исторической жизни новаго времени. Такъ, слѣдя въ настоящихъ первыхъ своихъ очеркахъ (I томъ 1-я книга) русскую струю въ литературѣ и журналистикѣ сербскаго народа, я беру за исходную точку своего изслѣдованія эпоху, когда у пробуждавшагося въ національномъ отношеніи сербства стало проявляться наряду съ упорными стремленіями къ национальной независимости и политической свободѣ стремленіе къ участію въ общеевропейской культурной работѣ и когда, какъ результатъ иностранныхъ культурныхъ вліяній и какъ результатъ сознанный народными „будителями“ и духовными вождями потребности, стали появляться у сербовъ національныя школы, учебныя руководства, книги и періодическія изданія, нашедшія себѣ признаніе, поддержку и почву для дальнѣйшаго развитія въ широкихъ народныхъ массахъ, выдвинувшихъ изъ своихъ нѣдръ и этихъ самыхъ „будителей“, и духовныхъ вождей.

Съ точки зрѣнія хронологической у однихъ изъ частей сербства такой исходной точкой національнаго Возрожденія и національной культурной работы приходится признавать эпоху, послѣдовавшую непосредственно за такъ называсмой „велика сеоба“, когда въ 1690 г. предюдительствуемые патріархомъ Арсеніемъ III Черноловичемъ многочисленныя сербскіе переселенцы оставили предѣлы Турціи и расселились на Австро-Волгерской территоріи; придя въ непосредственное соприкосновеніе съ западно-европейской культурой и освободившись отъ опасеній за свою жизнь и имущество, эти австрійскіе сербы встрѣчаются въ то же время съ опасностью потерять

свой національный обликъ, свой языкъ, вѣру, традиціи и обычаи подъ напоромъ болѣе высокой по степени развитія, но чуждой имъ по своей основѣ культуры—главнымъ образомъ германскаго и мадьярскаго католическаго и протестантскаго міровъ.

Стойкіе въ вѣрѣ своихъ отцовъ, связывающей сербство съ многочисленными представителями православнаго славянства, горячо преданные національной церкви, подарившей народу азбуку, грамотность, образованность и спасавшей его отъ обезличенія и отчаянія, сербы-переселенцы принесли съ собою и богатый, способный къ развитію благозвучный языкъ и унаследованное ими отъ предковъ и впоследствии очаровавшее культурный міръ народно-поэтическое богатство; на стражѣ всѣхъ этихъ народныхъ сокровищъ, могущихъ, при умѣломъ ими пользованіи, дать богатые проценты и оказаться не безплодными для общечеловѣческой культуры, становятся виднѣйшіе духовные вожди переселенца-народа, чувствуя быть можетъ сознательно за собою народную силу, а подъ собою надежную почву.

Выговоривши себѣ передъ переселеніемъ въ чужую землю рядъ льготъ религіознаго и національнаго свойства, духовные вожди австрійскихъ сербовъ вскорѣ увидѣли, какъ извѣстно, посягательство на свои права, оказавшіяся въ концѣ концовъ данными лишь на бумагѣ; вставши въ оборонительное положеніе, они принуждены были вести борьбу уже не такого свойства и не такими средствами, какъ бывало съ турками. Началась культурная борьба, и она дала толчокъ таившимся и зрѣвшимъ въ народной глубинѣ духовнымъ силамъ.

Такъ начинается пора Ренессанса у сербовъ Австро-Венгрии. Выясненіе вопроса, какую роль въ этомъ Ренессансѣ сыграла русская стихія и какъ отразилось русское вліяніе въ начавшей свои первые шаги ново-сербской литературѣ и прессѣ, и составляетъ одну изъ задачъ настоящаго изслѣдованія.

При указанной исходной точкѣ изслѣдованія по отношенію къ австрійскимъ сербамъ или такъ называемымъ сербамъ изъ „Восводины“, я ограничиваю настоящій свой трудъ періодомъ до 1848 года, когда въ жизни австрійскаго сербства, какъ

и въ жизни всего австрійскаго населенія, подъ вліяніемъ обще-европейскихъ событій, ярко и выпукло выступаютъ новые факторы, зарождавшіеся, конечно, исподволь раньше, но проявившіеся съ силой въ указанную эпоху и наложившіе печать на ходъ дальнѣйшихъ событій.

Что касается другихъ частей сербства, то пора ихъ національнаго и литературнаго Возрожденія будетъ хронологически совпадать съ порой Ренессанса австрійскихъ сербовъ лишь отчасти. Исходная точка литературно-національнаго Возрожденія какъ по отношенію къ сербамъ княжества и королевства, такъ и по отношенію къ сербамъ Черногоріи, „Триединого королевства“, Босніи, Герцеговины и Турціи должна быть принята значительно позднѣе, чѣмъ по отношенію къ упомянутымъ сербамъ „Воеводины“, не мало содѣйствовавшимъ національному и литературному Возрожденію остальнаго сербства.

Выясненіе роли русской стихіи въ жизни возраждающихся на границѣ XVIII—XIX вѣковъ остальныхъ упомянутыхъ частей сербской семьи и разсмотрѣніе отраженій въ ихъ литературѣ и прессѣ русской струи составляютъ вторую задачу настоящаго изслѣдованія.

Если у сербовъ „Воеводины“ національное самосознаніе пробуждается сравнительно рано и уже отъ эпохи „велика сеоба“ даетъ толчокъ національно-культурной работѣ на почвѣ отстаиванія своихъ народныхъ, религіозныхъ и политическихъ правъ, на почвѣ созданія національной школы, литературы и прессы, то у сербовъ Шумадиі, легкой въ основу позднѣйшаго сербскаго Пьемонта—княжества Сербіи, національное политическое и духовное возрожденіе начинается съ одной стороны подъ воздѣйствіемъ сербскихъ собратьевъ изъ „Воеводины“, съ другой стороны подъ вліяніемъ русскихъ и австрійскихъ успѣховъ въ борьбѣ съ угнетательницей сербства Турціей; конецъ XVIII вѣка, когда въ предѣлахъ будущаго сербскаго княжества начинаютъ возникать школы съ учителями изъ Россіи и „Воеводины“, и въ особенности начальные годы XIX вѣка, когда Карагеоргій, не безъ матеріальной и нравственной поддержки Россіи, обросилъ съ значительной части сербскаго народа, правда лишь на время, турецкое ярмо—вотъ тотъ ис-

ходный пунктъ, отъ котораго я отправляюсь въ настоящемъ изслѣдованіи по отношенію къ сербамъ княжества.

Вступивши послѣ возстанія 1815 г. съ княземъ Милошемъ во главѣ на путь самостоятельнаго существованія, молодое сербское княжество стало все болѣе и болѣе подчиняться культурному воздѣйствію Запада, и, не порывая политической и духовной связи съ Россіей, оказывавшей въ предшествующіе вѣка матеріальную и нравственную поддержку сербамъ въ вопросахъ главн. обр. церкви и школы, стало все болѣе и болѣе реагировать на ходъ западно-европейскихъ, особенно австрійскихъ, событій и настроеній. Вслѣдствіе усиливающихся культурныхъ связей съ Западомъ черезъ посредство своихъ обратій изъ „Воеводины“ сербы княжества, какъ и сербы „Воеводины“, не только не оказались безучастными къ общеевропейскому движенію 1848 года, но могутъ считать эту эпоху знаменательной и въ исторіи своего культурнаго развитія.

Поэтому то, а также для удобства дальнѣйшаго изложенія я считаю возможнымъ при обзорѣ русскои струи въ литературѣ и журналистикѣ сербскаго національнаго Возрожденія принять какъ для сербовъ Австріи, такъ и для сербовъ княжества эпоху 1848 года, какъ заключительный пунктъ въ настоящей книгѣ. Разумѣется, педантически точнымъ въ хронологическомъ смыслѣ я не считаю нужнымъ являться по указаннымъ выше причинамъ ¹⁾, и не буду строго держаться цифры какого-либо года при обзорѣ культурныхъ и литературныхъ явленій.

Говоря о русскомъ теченіи въ литературѣ и прессѣ сербскаго Возрожденія, я не буду ограничиваться только отмѣченными выше частями сербства, т. е. княжествомъ и „Воеводиной“, но буду привлекать къ изслѣдованію и необходимыя для моей цѣли матеріалы, даваемые сербскою литературой и прессой, появившимися въ эпоху Возрожденія у сербовъ такъ называемаго „Триединаго королевства“, т. е. Славоніи, Хорватіи и Далмаціи, а также у сербовъ Босніи, Герцеговины, Черногоріи и Турціи.

---

¹⁾ См. стр. 7.

Что касается всѣхъ только что упомянутыхъ земель, то у сербскаго ихъ населенія мы будемъ наблюдать отзвуки идей австрійскаго сербства и сербства изъ княжества; хорватское же населеніе тѣхъ же земель мы въ настоящей книгѣ своей работы оставляемъ въ сторонѣ, такъ какъ его культурное и литературное Возрожденіе совершалось подъ дѣйствіемъ иныхъ факторовъ, чѣмъ Возрожденіе сербское.

Намѣтивши указанныя задачи и рамки настоящей 1-ой книги своихъ „Очерковъ“, я, послѣ краткаго обзора (I глава)¹⁾ русско-сербскихъ культурныхъ и литературныхъ сношеній въ эпоху, предшествующую сербскому національному Возрожденію, приступаю къ разсмотрѣнію первыхъ шаговъ ново-сербской письменности въ связи съ сербско-русскими культурными отношеніями въ начальные годы сербскаго Возрожденія и слѣжу русскую струю въ этой письменности вплоть до появленія у сербовъ широко распространенныхъ и имѣвшихъ важное культурное значеніе періодическихъ изданій сначала въ видѣ календарей-альманаховъ, а затѣмъ журналовъ и газетъ (II глава).

Далѣе я приступаю къ изслѣдованію вопроса о русской струѣ въ періодической печати сербскаго Возрожденія, начиная съ обозрѣнія альманаховъ, сыгравшихъ въ первые годы сербскаго національнаго пробужденія весьма видную роль благодаря своей доступности, понятности и широкому распространенію; какъ такъ вопросъ объ этомъ родѣ литературѣ до сихъ поръ является еще совершенно не разработаннымъ и такъ какъ ни на сербскомъ, ни на иныхъ европейскихъ языкахъ не имѣется монографій, посвященныхъ литературѣ сербскихъ календарей и альманаховъ, то я на основаніи своихъ изученій въ бібліотекахъ Бѣлграда, Ср. Карловцевъ, Новаго Сада, Дубровника, Загреба, Сараева, Мостара и Цетинья составилъ опытъ

---

¹⁾ Считаю этотъ предварительный обзоръ не лишнимъ для выясненія той почвы, которая явилась подготовительной для русско-сербскихъ литературныхъ отношеній въ эпоху сербскаго Возрожденія. Лишь съ этой точки зрѣнія, а не какъ исчерпывающая вопросъ о русско-сербскихъ культурныхъ и литературныхъ отношеніяхъ XIII—XVIII вѣковъ и должна быть разсматриваема эта глава настоящей работы, главный предметъ которой составляетъ эпоха Возрожденія у сербовъ.